

Наше — зрительское — сознание так уж устроено, что мы невольно в чем-то отождествляем актера с его персонажами. Хорошо, когда живой, реальный человек оказывается куда сложнее и многограннее придуманного нами образа. Как и на этот раз...

Нередко такие беседы начинаются с воспоминаний актеров о том, как они еще в детстве мечтали о сцене...

— Со мной все было иначе. В школе мне легко давались точные науки. Учитель математики уговаривал меня пойти по его стопам. А о моем друге все говорили, что он станет артистом: он хорошо пел, танцевал, в отличие от меня — замкнутого и стеснительного — был абсолютно раскованным. И вот когда в десятом классе мой товарищ начал заниматься в драмкружке Тбилисского Дворца пионеров, я пошел с ним. Потом он, правда, избрал другой путь, а я, как видите...

— Выходит, во всем виноват его величество случай?

— Конечно. Нет, я, разумеется, любил театр, особенно наш, Марджановский, — здесь играли необыкновенные артисты!

...Однако никогда не задумывался о том, чтобы самому стать артистом — до того момента, как попал в тот самый драмкружок. Одним из наших руководителей был Нодар Чхеидзе, отец Темура Чхеидзе, главного режиссера Театра имени Марджанишвили. Он и посоветовал мне поступать после школы в театральный институт. Вот так все и произошло. Спасибо случаю...

Хотя, знаете, тогда мне еще нужно было самому разобраться — мое это дело или не мое. Даже уже начав работать в театре, я не был до конца уверен, что это единственный правильный для меня путь. Уверенность пришла с первой большой работой: в «Изгнаннике» (спектакле по пьесе нашего классика Важа Пшавела) я сыграл роль Чонты. Это был и первый настоящий успех. До тех пор я целых два года играл в массовых сценах. В одном спектакле, например, только проходил перед занавесом от одной кулисы к другой. И однажды помощник режиссера сказал мне: «Ты знаешь, какой у тебя сегодня день? Верико Анджапаридзе специально пришла посмотреть на тебя!» Я тогда очень удивился: что могло ее заинтересовать? Один проход — и все... Видимо, нашим старшим, нашим мастерам небезразлично было, какая смена приходит в театр.

— Наверное, смена поколений в театре — всегда проблема первостепенная. Ваше поколение с самого начала громко о себе заявило. А вот нынешняя театральная молодежь как будто уступает в энергии, смелости...

— Ну нет, я так не считаю. У нас просто великолепное молодое поколение! А Тбилисский театр киноактера? Это ведь молодежный коллектив.

И в нашем театре есть прекрасные молодые актеры. Ведь очень важно, когда именно в академический театр приходит такая талантливая молодежь: в этом залог постоянного движения, развития театра, его жизнеспособности. И было особенно приятно, что московские зрители так тепло принимали наших молодых артистов во время последних гастролей.

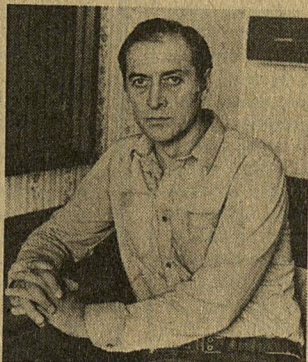
— Театр имени Марджанишвили приезжал в Москву летом. Публика встречей с актерами осталась довольна, а как сами артисты?

— Играть для зрителя, который так тебя принимает, — большая радость. Но... Я не раз замечал, что московские зрители оди-

наково восторженно встречали и удачные, и менее удачные спектакли.

Вообще же реакция такого искушенного зрителя помогает по-новому взглянуть на свою работу. Знаете, как для актера важен «чужой глаз»? Вот, например, «Провинциальный сюжет». Мы уже привыкли к тому, что в Тбилиси зрители особенно остро реагируют на то комедийное, что, безусловно, есть в спектакле. Хотя это, скорее, трагикомедия. А в Москве, именно потому, что был зритель, воспринимавший спектакль «в чистом виде», реакция была другая. В зале реже раздавался смех, и мне это вначале даже мешало. Первый спектакль — мы давали его в ЦДРИ — я сыграл хуже, чем обычно.

— Но мы, зрители, этого, кажется, не заметили...

Наш собеседник — народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР и премии им. К. Марджанишвили **Отар Мезгинетухуцеси**

— Само собой разумеется, не хватало еще, чтоб заметили! Тогда ты просто не профессионал. Но сам-то я иногда чувствую, что не в форме, что играю слабее, чем могу. И тут уж, даже если налицо все внешние признаки успеха, остается недовольство собой.

— Но тогда, Отар Вахтангович, что получается: вы — на сцене и мы — в зале существуем как бы в разных измерениях, сами по себе: актеры решают какие-то свои задачи, о которых зрители и не подозревают...

— Нет, это совсем не так. Зрители ведь — те же партнеры. И все, что мы делаем, вся предварительная работа — репетиции, поиски — только подготовка к тому, чтобы встретиться со зрителем. Иначе — у меня жена актриса — мы могли бы играть все роли дома, для собственного удовольствия. Но этим мы же не занимаемся!

Мы, актеры, часто повторяем, что все время держим экзамен перед зрителем. Да, и без этого экзамена не представляем своей жизни. Иногда в театре говорят — вот, мол, получается хороший спектакль. Но это мнение может легко опрокинуть первая же встреча со зрителем. Без этого партнера нет театра.

— И все-таки мнение зрителей может быть несправедливо или ошибочно — вы сами говорили только что о неточной реакции зала на том же «Провинциальном сюжете».

— Да, зритель бывает не только «трамплином», но и «тормозом». К сожалению, в последнее время в театр нередко приходят только для того, чтобы развлечься. Публика ищет моменты, где можно расслабиться, посмеяться. И самое страшное, что это иногда бывает совершенно неопод. Поз-

тому, когда зритель мешает, с ним надо бороться! Бороться, чтобы перебороть. Творчество — это ведь не только удовольствие, но и борьба.

Я люблю своих зрителей. И знаю, что взаимопонимание у нас есть. Зрители уже привыкли к тому, что «мое дело» — драма, трагедия, поэтому, когда я играл Пиромани, Эдипа, а сейчас играю Отелло, этот контакт устанавливается мгновенно, с первого же выхода. А вот когда они видят меня в характерных ролях, это приходит не сразу. Но к середине спектакля я обычно чувствую, что «забираю» зрительный зал.

— Вот вы сказали, что публика не привыкла видеть вас в характерных ролях. Признаться, для нас роль Лео в «Провинциальном сюжете» — роль острохарактерная,

Воскресные
ВСТРЕЧИ **МК**

ГЛАВНЫЙ ПАРТНЕР — ЗРИТЕЛЬ

трагикомическая — тоже стала полной неожиданностью...

— Ну, для меня эта работа совсем не неожиданность. Меня ведь еще в институте готовили как характерного актера...

Да, да, не удивляйтесь. Наверное, из-за внешности: худой, очень высокий... Случилось так, что вместе со мной в театр пришло много молодых комедийных актеров, и чтобы нам не «отбивать хлеб» друг у друга, меня стали назначать на драматические роли. И все же сейчас, оглядываясь на свою работу в театре, я очень жалею о том, что мало сыграл характерных, комедийных ролей. Но в смене амплуа повинны и другие причины — внутренние. Всегда ведь хочется выразить что-то такое, что мучает и волнует тебя. А это по-настоящему возможно только в драматических ролях, особенно в классике.

— Роль Даты Туташиа — в телефильме «Берега» — одна из самых известных ваших работ в кино. Вы довольно редко снимаетесь в кино. Почему?

— В кино я действительно сделал мало, но это не от недостатка предложений. Просто те режиссеры, у которых я хотел бы работать, не часто меня приглашают. От многих же предложений приходится отказываться — роль, как говорится, не задевает «душевных струн», и я чувствую, что она ничего мне не даст ни человечески, ни творчески. Я считаю, что у меня всего несколько работ в кино сделаны на уровне моего театра: прежде всего — Дата Туташиа, Элиоз в «Древе желания» и Джохола в «Мольбе» у Тенгиза Абуладзе.

— Отар Вахтангович, вы как-то писали, что материал актера — это лучшее, чем он ценен как человек и как личность. Чем, по-вашему, определяется ценность человека?

— Трудно ответить однозначно на этот вопрос. Человек слишком уж сложен. В каждом из нас есть и хорошее, и плохое, правда, в разной степени. Страшно бывает, когда вдруг открываешь в себе какие-то дурные стороны, о которых раньше и не подозревал. Наверное, ценность человека определяется как раз тем, в какой мере он способен преодолеть в себе зло. Мне дорого в человеке способность к самосовершенствованию, как это ни громко звучит.

Легче сказать о том, чего я не приемлю. Я не люблю хитрость, зависть. Ненавижу. Особенно в актерах. Мне неприятны люди, не умеющие радоваться искренне успехам других.

— В таком случае, что вы цените в коллегах? Как складываются ваши отношения с партнерами?

— Когда я играю хорошо, значит, у меня хорошие партнеры. Настоящего творчества нет без взаимопонимания. Общее место, да? Но это правда. И если партнер даже в чем-то недотягивает, но есть правильная отдача, это уже хорошо, это уже можно использовать в работе. Мне легко работать с моими товарищами. Если же возникают какие-то трудности, я стараюсь находить слабые стороны в себе. Если искать виновников в других, это может далеко тебя завести...

— А когда партнер — ваша жена, помогает это или мешает?

— Понимаете, я чувствую себя с ней раскованно. Когда мы работаем вместе, мне не надо тратить время и силы на «притирку» во время репетиций. Мы понимаем друг друга с полуслова. Мне с ней легко. Кому-нибудь, возможно, такое партнерство мешает, мне — помогает.

Гуранда Габуния, которую мы недавно видели в новом фильме Л. Гогоберидзе «День длиннее ночи», не раз играла с Отаром Мезгинетухуцеси: она была актрисой Маргаритой в «Пиромани», императрицей Юлией в «Ромуле великом»; и еще одну супружескую — к тому же актерскую — пару играют артисты в «Провинциальном сюжете». Играть, надо сказать, блистательно и... на редкость слаженно, при том, что отношения у персонажей спектакля далеко не идиллические.

— В последнее время много говорят и пишут о сверхзанятости актеров, об их стремлении везде и всюду успеть...

— Наверное, тут все зависит от конкретного человека — от его сил, возможностей, характера, наконец. Я так не могу. Мне необходимо иногда отойти от работы, не думать о ней, чтобы даже появилась тоска по делу, чтобы снова очень захотелось работать. Сверхзанятость мне противопоказана. Нужен отдых. Я такой. Я себя знаю...

— И как вы отдыхаете?

— Грузину нельзя без друзей. Мы очень ценим общение, как говорится неформальное, за дружеским столом. Это наша жизнь. И я здесь не исключение. Ну, книги, само собой разумеется. Другие театры — я часто езжу в Москву, когда там появляется что-то новое, интересное.

А вообще я все же одиночество люблю. Люблю быть на природе, а дома — лежать и читать...

Правда, сейчас свободного времени очень мало — начинаются съемки в новом фильме.

Беседу вели Т. ГОРБАЧЕВА,
Ю. БЕЗЪЯЗЫЧНАЯ.

Фото А. ФОМИНА.